Л. Ю. Брик, Н. А. Брюханенко, Элли Джонс, Т. А. Яковлевой, В. В. Полонской... Из новейших публикаций выделим книгу зарубежного исследователя Бенгдта Янгфельдта «Любовь — это сердце всего», в которой полностью представлена переписка В. В. Маяковского и Л. Ю. Брик (1915—1930). Несомненно ценна и насыщенная богатым фактическим материалом, детальным авторским комментарием статья «К истории отношений В. В. Маяковского и Л. Ю. Брик» [18]. Упомянутые и некоторые другие публикации (см., например, [19—21]) позволяют в совокупности несравненно яснее, чем прежде, осмыслить перипетии личной жизни Маяковского и их живую связь с его «экзистенциальными» поэмами. Ведь в любовной поэзии Маяковский выговаривал часто то, о чем в жизни обычно молчал. Сестра поэта заметила: «Володя умел переживать в себе свои горести, как все мы, Маяковские. Такие уж (характеры), любили, страдали и молчали — все это гордость породная» (О. В. Маяковская. Из писем).

Во взаимоотношениях Маяковского и Л. Ю. Брик, продолжавшихся с 1915 г. до конца жизни, выделяется несколько этапов. Первый — с начала знакомства до 1918 г., когда Л. Ю. Брик, откликнувшись на любовный порыв Маяковского, стала встречаться с ним сначала в номере гостиницы Пале-Рояль, а затем в комнате поэта на Надеждинской. По словам Л. Ю. Брик, она только в 1918 г. сказала мужу, О. М. Брику (1888—1945), о своих отношениях с Маяковским. Одной из любимых книг, читавшихся вслух на квартире Бриков (ул. Жуковского), был роман Чернышевского «Что делать?». Л. Ю. Брик объясняла это тем, что жизнь, описанная в нем, «перекликалась с нашей» [15, с. 209]. Однако О. М. Брик не собирался играть роль Лопухова и «исчезнуть», хотя, по-видимому, почти с самого начала по-своему осознал сложившуюся ситуацию.

В создававшейся Маяковским осенью 1915 г. поэме «Флейта-позвоночник» впервые с предельной лирической обнаженностью прозвучал мотив ревности. Впрочем, трагические мотивы «Флейты-позвоночника», как и написанной позже поэмы «Человек», определялись и уже знакомыми нам особенностями поэта. «Володя не просто влюбился в меня,— пишет Л. Ю.,— он напал на меня... Два с половиной года не было у меня спокойной минуты буквально» [18, с. 19]. То, что позже открыто выразилось в письмах Маяковского к Л. Ю., впервые прозвучало в стихотворении «Лилечка! Вместо письма» (май 1916 г.), не публиковавшемся при жизни поэта (впервые напечатано в 1934 г.). Главное в нем — жажда «выреветь» в стихе «горечь обиженных жалоб». Ужас охватывает поэта при мысли, что сердце любимой «в железе»: «Кроме любви твоей,/мне/нету солнца,//а я и не знаю, где ты и с кем» [4, т. 1, с. 108].

Нельзя, конечно, прямолинейно соотносить поэтические образы и реальные чувства автора. Но в данном случае их сопоставление убеждает: «зарева искусства» помогают яснее представить «жизни гибельный пожар».

Во время тяжелейшей для Маяковского размолвки 1923 г., когда писалась поэма «Про это», он анализирует в записях, адресованных Л. Ю., свои отношения с нею. Здесь Маяковский не только точно определяет свое понимание любви, но впервые говорит о том, чем отличается она от чувств Л. Ю. Брик: «Я люблю, люблю несмотря ни на что и благодаря всему, любил и буду любить, будешь ли ты груба со мной или ласкова, моя или чужая. Все равно люблю. Аминь... Любовь — это сердце всего. Если оно прекратит работу, все остальное отмирает, делается лишним, ненужным... Без тебя (не без тебя в отъезде, внутренне без тебя) я прекращаюсь... Любишь ли ты меня?... Любишь ли так, чтоб это мной постоянно чувствовалось? Нет. Я уже говорил Осе. У тебя не любовь ко мне, у тебя вообще ко всему любовь...» [18, с. 113, 114]. В более раннем письме (от 26—27 октября 1921 г.) Маяковский писал: «Я скучаю, я тоскую по тебе — но как — я места себе не нахожу... и думаю только о тебе... Я слоняюсь из угла в угол, смотрю в твой пустой шкаф — целую твои кисячие подписи. Реву часто, реву и сейчас. Мне так — так не хочется, чтобы ты меня забыла!» [18, с. 60]. Письма Маяковского, под которыми часто стоит «Щен», «щенок» и т. п., могут служить и дополнительным комментарием к тому, что в художественно преоб-